

ВАЛЬТЕР ФЛЕКС

**Рассказы, военные песни
сборника «Солнце и щит»**

Вальтер Флекс

**Рассказы, военные песни
сборника «Солнце и щит»**

«Издательские решения»

Флекс В.

Рассказы, военные песни сборника «Солнце и щит» / В. Флекс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504107-4

Данная книга содержит как рассказы, так и стихотворения немецкого писателя Вальтера Флекса. Сборник стихов и военных песен «Солнце и щит» был создан автором в память о брате — лейтенанте Отто Флексе, погибшем в битве на Марне. В данную книгу также вошли новеллы о Тридцатилетней войне, повествующие о жизни обычных людей, личная драма которых осталась незамеченной на фоне масштабных исторических событий той многострадальной эпохи.

ISBN 978-5-00-504107-4

© Флекс В.
© Издательские решения

Содержание

Рождественская сказка 50-го полка	6
Лик Валленштейна	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Рассказы, военные песни сборника «Солнце и щит»

Вальтер Флекс

Переводчик Екатерина Дмитриевна Соколова

© Вальтер Флекс, 2019

© Екатерина Дмитриевна Соколова, перевод, 2019

ISBN 978-5-0050-4107-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рождественская сказка 50-го полка

Эту рождественскую сказку о погибших солдатах я читал пятой роте, стоя у алтаря деревенской церкви в Д., обвитого в честь праздника еловыми венками. Там же мы отмечали рождественский сочельник. Праздник сопровождался грохотом наших тяжелых орудий. В нефе церкви рота стояла вокруг трех длинных, пышно накрытых и украшенных свечами столов с подарками. Перед алтарем мерцали могучие рождественские ели, отбрасывая отсвет пламени на стены и своды французской церквушки, которые были покрыты темными трещинами от гранат и пятнами крови. Рождественским утром мы снова вернулись на огневую позицию. В.Ф.

Молодой крестьянин, которому отец не смог оставить в наследство ни пяди своей земли, взял в аренду несколько акров пашни, чтобы вести там хозяйство. Однако, когда он в разгар лета вместе со своей трудолюбивой женой намеревался собрать их первый славный урожай, кайзер развязал страшную войну против злых и коварных врагов, которые угрожали его границам на востоке и западе. Молодого крестьянина он тоже позвал под свое знамя. Тогда крестьянин стал солдатом. Безропотно он последовал зову, обращенному ко всем сынам родины, способным держать в руках оружие, и позволил облачить себя в серый мундир своего короля. Без лишних слов он простился с женой и ребенком. Девушка со слезами поцеловала оружие уходящего, а совсем еще маленький мальчишка принес в своих неуклюжих ручках красные, синие и белые крестьянские цветы из маленького сада и радостно закричал, когда отец украсил ими шлем и винтовку. Солдат долго смотрел на играющего ребенка, после чего он еще раз на прощание взял за руку жену, крепко схватился за винтовку и ушел прочь.

Проходили дни и недели, однако вместо вожделенного мира война разгоралась все сильнее и ярче надо всей землей. Покинутая женщина вместе со своим сыном еле-еле сводила концы с концами. Она изо всех сил пыталась собрать урожай и заплатить богатому крестьянину за землю, однако ей не хватало сил для этого. Сначала солдат время от времени присылал ей домой вместе с письмами сердечные приветы и пару пфеннигов, которые он копил из своего жалования. Его письма приходили из все более далеких стран, и им требовалось все больше времени, чтобы найти дорогу к родной земле. Наконец, когда ночи начали становиться холодными и вместо росы на травах и стебельках поутру начал выпадать иней, письма прекратились совсем. А еще через пару недель, когда ручьи и озера затянулись первым льдом и птицы начали прилетать в деревни из заснеженных лесов, пришло письмо капитана, под чьим командованием служил молодой крестьянин. В письме говорилось, что солдат погиб смертью героя на чужой земле.

Бедная женщина прочла письмо, и у нее перехватило дыхание. Содрогаясь в немом плаче, она прижала к груди ребенка, оставшегося сиротой, и ее сердце захотело разорваться от горя. Ей думалось, что в жизни нет и не может быть тяжелее испытания, чем это. Воля к жизни угасла в ее бедном сердце, как гаснет горящий светильник. Однако все самое худшее еще ожидало ее впереди. Богатый крестьянин потребовал уплаты денег, которые задолжал ему солдат, и выставил бедную вдову за дверь. Теперь у нее не было ни крыши над головой, ни очага, чтобы согреть окоченевшие ручки и ножки замерзающего ребенка. У нее не было ни кусочка хлеба, чтобы утолить его голод. Эта крайняя безысходность и нужда так истерзали ее, что ей надоело жить, и она приняла решение умереть вместе со своим мальчиком, прежде чем ее истощенная плоть, изможденная голодом и холодом, начала бы в муках разлагаться у нее на глазах. Когда жестокосердный крестьянин выставил за дверь мать с ребенком, был канун рождества,

и в рождественский сочельник она стояла, утопая в снегу и печали, на проселочной дороге, где проносится буря и метет пурга.

Тогда она сказала сыну, лежавшему у нее на руках: «Пойдем, мой маленький Ханс! Ты больше не должен голодать и мерзнуть, мы пойдем к папе!» «Пойдем к папе...» – сквозь сон пролепетал младенец, и его головка склонилась. Тогда женщина собралась с духом в своем отчаянии, покинула проселочную дорогу и зашагала через поля и леса. Там она знала тайное место, где голые буковые деревья на лесном просторе склонялись над тихой гладью озера, глубину которого на всей человеческой памяти никто не мог измерить. Несколько мгновений, которых как раз хватало для того, чтобы прочесть «Отче наш», она стояла на заснеженном краю обрыва. Затем она еще крепче прижала сына к себе, прыгнула и почувствовала, как холодные воды сомкнулись у нее над головой. Некоторое время женщина еще боролась, потом она на протяжении нескольких мгновений ощущала благодать в своем бедном сердце, но в конце концов лишилась чувств. Не зная, сколько времени прошло, она пришла в себя, и воспоминания то приходили к ней, то убегали от нее, словно бестолковые собаки. Наконец, к ней пришло осознание того, что она только что сделала и пережила, и она очень удивилась.

А удивилась она тому, что ее сынишка тихо лежал у нее на руках, погруженный в безмятежный сон, словно ему ничего не было известно о жизни, смерти и страданиях последнего часа. Мягкие, теплые туманы струились у нее перед глазами и пеленой укрывали все вокруг. Бедная женщина напрягла чувства, чтобы увидеть хоть что-то сквозь завесу, которая, казалось, простиралась все дальше вверх и вглубь, становясь при этом все плотнее. Этот туман обволакивал ее приятным теплом, как хороший сон. Тут она поднялась, и сиротка у нее на руках проснулся. Сразу же он начал тянуть свои розовые ручки и кричать, одновременно плача и ласкаясь: «Папочка! Папа!». Его пронзительный крик утекал в густой туман. И посмотрите-ка, теперь мать тоже заметила серую фигуру, которая неподвижно стояла у ее ног, словно страж. Однако этот человек не был ее мужем. Он был одет точно так же, как и ее покойный супруг, ушедший вместе с армией кайзера навстречу войне и страданиям. Только его мундир серо-полевого цвета выгорел на солнце и истрепался от дождя, словно опаленный жаром чужих и далеких земель и омытый многочисленными свинцовыми дождями и водами потоков, пересекаемых вброд. Разъеденные ржавчиной пуговицы с изображением королевской короны выделялись на потрепанном сукне. Кожа высоких сапог изорвалась и приобрела землистый оттенок, а на коленях материя была стерта, как если бы этот человек полз по гальке и гравию или же должен был стоять на коленях на твердом камне.

Чехол шлема был цвета поблекшей сухой травы, и только от оружия, висевшего у него сбоку, исходил яркий блеск, словно от сверкающего булата. Бедная женщина уже хотела заговорить с незнакомцем, но стоило ей взглянуть ему в лицо, как она сразу же смутилась и замолчала. Во взгляде молчаливого мужчины сквозила благосклонная, но неумолимая серьезность. Казалось, что эти глаза бесчисленное множество раз становились свидетелями кровавых страданий и смерти всего человечества. Из этих глаз исходило мрачное сияние, напоминавшее отсвет страшных пожаров и дымящихся руин. Тут женщина лишилась дара речи. Однако человек, облаченный в серое, спокойно взял на руки бедного ребенка-сироту, который сразу же обвинил своими ручонками его шею и ласково пролепетал: «папочка». Узрев, как ее мальчик, доверчивый, словно олененок, лежал на темных руках незнакомца, она набралась мужества и тихо спросила: «Где я?». Мужчина в сером так серьезно посмотрел ей в лицо, что она почувствовала, как внезапно обескровели ее щеки и лоб. Однако незнакомец успокаивающе провел прохладной рукой по ее подрагивающим вискам и произнес: «Оставь свои вопросы и молчи!

Мне хорошо известно, откуда ты пришла и куда ты хочешь направиться. Ты ищешь мертвого, которого любишь, и ты очень близка к нему».

Молодая вдова, всхлипывая, соединила ладони и всплеснула руками. «Получается, мы мертвы», пролепетала она, «и воистину, мы находимся у врат божьих. Ибо я знаю, ах, я знаю, каким он был хорошим человеком, и верю, что бог забрал его к себе!» Облаченный в серое незнакомец сострадательно покачал головой. «Тихо», – ответил он ей, «ты не в раю и не в аду. И ты не мертва. Ты пошла по тихой дороге, которую не найдет никто, разве что он будет, убитый горем и нуждой, так же плутать в эту рождественскую ночь, как и ты. Потерпи еще немного, и мы отыщем того, кого ты так хочешь найти. Это будет божьим даром тебе и твоему сыну-сироте». «Где я?» – спросила женщина еще раз, хотя ее сердце дрожало от страха, словно колокольчик на ветру. Незнакомец в серых одеждах ответил: «Ты среди мертвых солдат. Те, кто раньше были солдатами кайзера, теперь служат богу. Они не знают покоя, ибо война бога с душами живых все еще продолжается. В самых недоступных глубинах мертвые солдаты стоят на посту, повинувшись божьей воле, и несут службу на земле в его серой рати, прежде чем им позволят вступить в светлые ряды небесного воинства, что наполняют райские просторы». «Я не понимаю тебя», – прошептала бедная женщина, и ее грудь сдавило от страха. «Не беспокойся», – ответил незнакомец в сером. «Скоро ты все поймешь. Тот, кто выходит на поиски в рождественскую ночь, как ты, всегда находит ту самую дорогу, которую он ищет. А сейчас следуй за мной!»

Он зашагал впереди нее, в то время как сын вдовы мирно спал у него на руках. Ясное личико ребенка озаряло сумрачные очертания незнакомца, подобно благословенному мерцанию звезд, и этот свет освещал идущим путь, словно лампада. За этим сиянием следовала бедная женщина, и они углублялись все дальше в туман, который становился все гуще и гуще и клубился у них перед глазами серым занавесом. Наконец, командир остановился, поднял правую руку и разделил ею туман, словно приоткрывая завесу. Тотчас же взору женщины открылось пространство, наполненное светом и мерцанием. Ее глаза долго искали источник этого благословенного божественного свечения, окружившего их. У нее над головой витал только теплый ночной воздух, непроницаемый для взгляда. Ни солнце, ни луна, ни звезды не освещали эти глубины, а над землей не горели факелы и фонари. Свечение лежало нежной радужной дымкой над озером, воды которого были прозрачны, как алмаз. Этот свет наполнял всю землю, тихими пенными волнами набегая на темные берега. Серые стражи, похожие на своего командира, как братья, были серьезны и молчаливы. Расположившись вокруг потока, они словно несли боевое дежурство на берегах этих священных вод. «Ты среди мертвых солдат», – сказал командир женщине. «Присмотрись внимательнее, не найдешь ли ты среди них того, кого ищешь. Если хочешь, можешь заговорить с ним, и он ответит тебе. В рождественскую ночь мертвым позволено говорить человеческими голосами; в остальное время они являются живым лишь во сне и в мыслях или же приходят к ним, обратившись тенью». Бедная женщина набралась смелости и взглянула в лица серых стражей, стоявших рядом с ней. Она заметила, что лица безмолвных хранителей были удивительно похожи друг на друга. На всех них лежала тень глубокой серьезности, которой был пронизан суровый взгляд командира. Эта серьезность была одновременно святой и смертоносной, и в ее сумрачном мерцании черты мужчин растворялись, становясь похожими на тени, отбрасываемые багряным факелом. Бедная женщина не смогла отыскать среди них образ своего возлюбленного, и ее взор в беспомощности и страхе устремился через лучезарные волны на другую сторону, где из тьмы поднимались тени многих тысяч мужчин. Тогда же ей открылся радужный источник неведомого свечения, которое в своей благочестивой красоте растекалось над этими водами.

Бесчисленные светлокотие дети безмятежно качались на волнах из стороны в сторону, и от их крошечных нежных тел исходило розовое свечение, наполнявшее землю до самых глубин. «Кто эти младенцы?» – спросила женщина у командира, и он ответил: «Это души нерожденных детей твоего народа. Господь Бог приставил к ним мертвых солдат в качестве стражей, пока они не начнут свою жизнь на земле». «И что это за озеро, на поверхности которого они играют, словно на цветущем лугу, почти не замочив ножек?» Тут лик серого командира сделался еще сумрачнее, и он ответил: «Знай же, несчастная, в это озеро стекаются бесчисленные слезы, пролитые живыми о погибших солдатах. В это озеро были пролиты и твои слезы. Господь Бог поставил нас у этих вод страданий в самых недоступных глубинах земли охранять нерожденных, чтобы их души искупались в слезах своего народа, прежде чем они войдут в земную жизнь. Это делает их сильными, и эти дети останутся чисты душой, даже если испачкаются в земной пыли». «Но что делают там эти люди?» – спросила женщина и, содрогнувшись, указала на некоторых из серых стражей, что расположились на берегу. Казалось, что они пасут светлую стаю нерожденных душ, которые теснились посреди серых фигур, напоминающая прекрасный, играющий на солнце всеми своими красками цветник. Командир понизил голос, как если бы он говорил в церкви, и произнес: «Смотри, мертвые солдаты ведут беседу с душами нерожденных детей. Отправившись в земную жизнь, некрещенные младенцы позабудут слова своих стражей, но их души будут источать тонкий, чистый аромат этих забытых времен подобно тому, как отшлифованные стеклянные сосуды долгие годы источают аромат розового масла, которое они некогда содержали в себе». Пока командир и женщина разговаривали друг с другом подобным образом, ребенок радостно закричал на руках у мужчины и попытался вырваться, чтобы угнаться за одной из этих светлых душ. Мать увидела, как он устремился навстречу этой душе, игравшей на волнах, словно на душистом лугу. Тогда бедная женщина взяла ребенка к себе на руки и обратилась к своему проводнику с просьбой: «Он может немного поиграть с этими прекрасными детьми?» Командир кивнул в знак согласия.

«Да, – сказал он добросердечно, – пусть твой малыш играет с чистыми душами нерожденных детей! Это на всю жизнь озарит его маленькие ручки светом благочестия. Если он прикоснется ими к чьим-то рукам или лбу, кровь того человека начнет волноваться легко и свободно, и сила разольется по всему его телу». Тут бедная женщина вскочила на ноги и попыталась пересечь волны, устремившись навстречу светлому ребенку. Однако стоило ее ступням коснуться водной глади, как она почувствовала, что ее ноги утопают во влажной глубине, словно тяжелые камни. Ее потянуло вниз. «Не выйдет», – грустно сказала она и ступила назад на берег. «Нет», – произнес серый командир. Его голос был полон глубокого сострадания. «Тебя не смогут поднять эти волны. Живые тонут и погибают в этих водах. Однако нерожденная душа способна скользить на своих нежных ножках над водной гладью и наполнять священным светом эти волны подобно фонарику, который устремляет свой луч в глубину. Эта душа вдыхает аромат слез, словно запах цветов, и это делает ее кровь прозрачной и чистой». После этого он молча помахал рукой одной из этих душ, похожей на сияющий цветок, которая тут же направилась к берегу. Вскоре она стояла на берегу в образе маленького обнаженного мальчика. Она вложила свою ладонь в более темную руку бедного сироты, и оба весело вступили в круг друзей, которые сидели среди серых стражей на берегу и вслушивались в их слова подобно тому, как земные дети внимательно слушают сказки, что рассказывает им мать. «Видишь», – сказал командир, обращаясь к женщине. «Мертвые солдаты охраняют нерожденных, и эта служба так же священна, как и их прежняя военная служба под знаменами кайзера».

«Сколько же им предстоит стоять здесь на посту?» – спросила женщина, содрогнувшись. «Пока озеро слез не иссякнет», – ответил командир и грустно улыбнулся. «Затем Господь приставит других стражей вместо них, возможно, это будет мудрый король или священники. Мы

не знаем, кто это будет. Но сейчас об этом не может быть и речи, ибо в озеро льются слезы вдов и сирот, матерей и невест, собираясь в целые ручьи и приумножая силу нескончаемого потока». Бедная женщина окинула взглядом водные просторы. Ей показалось, что она теперь услышала тихий плеск и журчание текущей воды, исходявшие из множества потайных источников, и она увидела, как жемчужные капли все выше поднимались к берегам. «Это озеро никогда не иссякнет!» – вздохнула бедная женщина и в ужасе закрыла глаза. «Однажды оно все же иссякнет, как и все земное», – серьезным тоном ответил командир. «Но мы должны будем стоять и ждать здесь еще долго. Только когда озеро полностью высохнет, серые стражи уйдут в царство тысячи чувств и освободят эту землю от своего присутствия». «Царство тысячи чувств? Что это значит?» – спросила женщина, и командир дал ей следующий ответ: «Это то место, которое у вас на земле принято называть раем. Вам на земле дозволяется воспринимать богатство этого мира лишь при помощи пяти несовершенных чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. Однако потом вы вступите в царство тысячи чувств, где вас одарят силами, которые невозможно описать человеческими словами. Над этим царством есть еще тысячи царств, в которых будут гостить души, поднимаясь все выше и выше на пути к богу.

И в каждом следующем доме, принимающем этих постояльцев, будет больше светлых окон, чем в предыдущих. Но сейчас молчи об этом, ибо ты не можешь полностью понять меня. То, что вы, живые, называете смертью, среди нас, мертвых, принято называть рождением. И ты еще не родилась. А теперь иди искать того, кого ты любишь!» И женщина последовала за ним, словно в блаженной полудреме, убаюканная его сумрачными словами. Она сделала несколько робких шагов, следуя за мрачным командиром, и почувствовала, что радужное сияние позади нее угасло. Она, как и прежде, стояла в кромешной темноте, которая простиралась у нее перед глазами, как стена. Она на ощупь двигалась вперед, следуя за зловещими шагами командира. Спустя некоторое время проводник остановился и тихо произнес: „Смотри, теперь ты находишься у самого сердца земли, где властвует тайный король!“ „Кто это – тайный король?“ – спросила женщина, и солдат в серых одеждах ответил ей: „Он ежедневно сменяется, но тем не менее, это всегда один и тот же человек. Он несет службу на своем троне в самом сердце земли, куда стекаются все звуки земного мира. Господь Бог приказал ему следить за тем, чтобы хор голосов его народа сливался в один сильный, чистый и благочестивый голос, подобно могучему органу. Поэтому он восседает на своем троне и внимательно прислушивается. Каждое неблагозвучие посреди многоголосия заставляет тихо дрогнуть меч в его руке. Тогда ему является один из его серых братьев, которые и сейчас незримо окружают нас во тьме у этой двери, и тайный король шепотом отдает ему приказы и поручения.

Он слышит все, о чем говорят, думают и поют там, наверху, живые люди его народа. Он слышит каждый вздох, каждый глупый смешок, каждый крик и каждую песню. И если он хочет устранить неблагозвучие, он отправляет одного из своих серых посланников, и тот проделывает путь в ночи, проходя через замки и лачуги бедняков, через траншеи на полях сражений и королевские палаты. Он гасит легкомысленный и безнравственный смех подобно тому, как тушат свечи посреди веселой трапезы. Там, где предаются наслаждениям себялюбцы и прожигатели жизни, серый посланник тайного короля незаметно садится гостем посреди пирующих и бросает свою тень на веселое застолье, пока их сердца, еще недавно заливавшиеся веселой песней подобно летним птицам, не станут тяжелы, как камень. У тайного короля нет имени. Он сменяется ежедневно подобно тому, как сменяется караул у серого дворца вашего императора. Каждый день новый мертвый солдат вступает в самое сердце земли и садится на трон тайного короля, чтобы нести эту службу ради спасения души своего народа. Он заботится о ней так же, как заботятся о сохранности старинного, священного органа». Еще не закончив свою речь, он тихо приоткрыл темную дверь и подтолкнул женщину в палату, наполненную див-

ным сиянием, которое чудотворными лучами стремилось ей навстречу. Затем он тихо закрыл за собой дверь. Замок щелкнул. «Смотри», – прошептал он, обращаясь к женщине. «Теперь ты стоишь в самом сердце земли перед тайным королем. Не мешай ему! Он бдительно вслушивается в звуки земли, и твой голос может разгневать его. Никому не дозволяется обращаться к нему с просьбами». Однако бедная женщина уже почти не обращала внимания на его слова. Ее сердце, глаза и уши были напряжены до предела – она вся обратилась в благоговейное созерцание и слух.

Сердце земли напоминало просторный и светлый алтарный ларец, высеченный из чистейшего алмазного камня, прозрачного, как слеза. От сверкающих стен в глубину комнаты стекались журчащим потоком многочисленные звуки и шепот, подобно далекой музыке. Все это сияние было до краев наполнено глубоким горящим блеском, исходившим от рубина, что украшал венец тайного короля. Серый командир обратил внимание, что взор женщины, полный благоговейного трепета, был прикован к священному огню драгоценных камней, которыми был инкрустирован венец тайного правителя. И тогда он сказал: «У этих камней нет названия. Божьи ангелы собрали самую чистую кровь с полей брани, и вскоре эта кровь в их светлых руках превратилась в багряные камни подобно тому, как жемчуг рождается в створках перламутровых раковин. Затем ангелы вставили драгоценные камни в венец тайного короля. Они служат божьим испытанием. Ибо когда один из серых братьев сменяет другого на посту, сначала на него в качестве испытания возлагают корону. И только в том случае, если багряные камни вспыхнут еще ярче у него на челе, он имеет право носить этот венец и нести службу в самом сердце земли, исполняя обязанности тайного короля. В противном случае он должен передать трон другому – тому, кто чище его». Когда глаза женщины вдоволь насмотрелись на чудотворный блеск мученического венца, ее взгляд робко переместился на фигуру тайного правителя.

Тут она застыла в изумлении. Перед ней сидел не святой в царском облачении, а обычный солдат в поношенной шинели землистого цвета. И когда она подняла глаза, чтобы увидеть его сумрачный лик, она узнала черты любимого мужа. Однако из знакомых очертаний его лица исходила такая беспощадная серьезность, а фигура солдата была окутана таким неземным величием, что она не осмелилась заговорить с ним. Ей показалось, что ее сердцебиение своей нечистотой нарушало священное благозвучие, наполнявшее комнату. Чувство вины обрушилось ей на сердце тяжелым камнем, и ее колени подкосились от переполнявшего ее страха. Судя по всему, тайный король не обратил на нее никакого внимания. Его лицо освещалось прозрачным сиянием, когда он внимательно прислушивался к бесчисленным звукам, исходившим издалека. Время от времени тихо и гневно звенел меч, лежавший у него на коленях, и один из серых братьев подступал к престолу и принимал приказы и поручения. Все чище и полновучней становилось пение невидимых хоров. Мало-помалу бедная женщина набралась смелости и начала слышать отдельные голоса, выделявшиеся из остального шума. Песня растекалась по кристально чистым стенам, и казалось, что она звездным светом озаряла лик таинственного правителя. Бедная женщина прислушалась. И она услышала, как на полях сражений поют живые братья серых стражей. Они пели эту песню:

На свет явился в Вифлееме
Младенец истинный, и вот
Господь велел позвать скорее
Тех пастухов, что в это время
Смиренно ждали у ворот.

Мы сохраним Твои заветы,
Не дрогнет сумрачный оплот.
Ах, ангел божий, где же, где ты?
Пускай от Васгау и до Шельды *
Ночное небо расцветет!

И растворится тьма ночная,
Наступит мира торжество.
Что будет с нами, я не знаю,
Надеждой сердце умирняя,
Мы примем это Рождество.

С твоими ангелами вместе
Явись, Младенец, в каждый дом!
Утешь израненные души
И сделай мир светлей и лучше,
Пока мы сами мира ждем...

* (прим. пер.: Васгау – немецко-французский горный ландшафт, Шельда – река во Франции, Бельгии и Нидерландах)

Чем дальше бедная женщина всматривалась в черты тайного короля, тем более знакомыми и родными казались они ей, и ее чуть не охватила робость при виде бедного крестьянина, властвующего над душами посреди этого священного великолепия. «Это не к лицу ему», – подумалось ей, и ее сердце наполнилось страхом. «При жизни он ходил за плугом и разбрасывал зерно, взятое взаймы, по хозяйской земле». Видимо, серый командир, стоявший рядом с ней плечом к плечу, услышал ее мысли, словно голоса, ибо за тягостными размышлениями женщины незамедлительно последовал ответ. «Молчи!» – сказал он сурово. «Здесь имеют значение только достоинство и чистота сердца. Все остальное ничего не стоит. Священные камни королевского венца светятся и горят на его бедном челе и освящают его руки, что делает их достойными того, чтобы хранить меч и державу тайных королей».

Теперь женщина заметила в левой руке тайного короля простой шар землистого цвета, что покоился на его коленях, как знак власти. «Это та горсть земли, что он сжимал в своем кулаке в смертельном бою. Это земля с того поля, на котором он истекал кровью», – говорил серый командир. «Каждый немецкий солдат несет в левой руке эту горсть земли, что принимает форму всего земного шара. В правой руке каждый из нас держит меч как знак перед богом, что он – наш брат и такой же страж, поставленный над миром живых. А теперь следуй за мной, ибо ты уже увидела все, что хотела!» Тогда бедная женщина робко повернулась к двери. Но стоило ей смиренно опустить голову в знак прощания, как тайный король наклонился к ней и посмотрел ей в глаза. Женщина упала на колени. Тогда таинственный правитель протянул ей золотой кубок и произнес три слова: «Напой моего сына!» И он протянул ей перламутровую раковину, на которой лежали тонкие хлеба, похожие на просфоры, и вновь произнес три слова: «Накорми моего сына!» Затем он сделал жест рукой, словно благословляя ее. Одновременно с этим бедная женщина почувствовала, что ее тело мягко поднялось над землей, и она, лишенная сил, позволила увести себя из священного зала назад, туда, где на озере слез горел розовый закат.

Уже там, когда она в поисках своего мальчика собралась поднять голос, чтобы позвать его, серый командир мягко, но настойчиво прикрыл ее губы своей прохладной рукой. «Молчи, – прошептал он, -ибо умершие в рождественскую ночь хотят войти в наше царство». В тот же миг бедной женщине открылась удивительная картина: мрачная и торжественная процессия медленно приближалась к сияющей земле. Фигуры, напоминавшие тени, были окутаны светлой розовой дымкой, словно клубами курящегося ладана. Серые стражи группами по четыре человека несли носилки, ступая вперед тяжелым шагом. На каждом из этих простых носилок покоился мертвый солдат, безмолвный и бледный, погруженный в темную еловую зелень. Белый лоб каждого из них был увенчан еловыми ветвями. От пушистых еловых лап то тут, то там исходило мерцание: казалось, что светлые нити рождественского золота пронизывали все пространство, и с носилок, изготовленных из еловой древесины, струилось тихое и спокойное мерцание свечей, словно от рождественской елки. Однако там, где молчаливые носильщики касались своими подошвами земли, появлялось таинственное журчание и раздавался плеск. Казалось, что у солдат под ногами начинали бить светлые ключи и источники, воды которых вливались в светящийся поток. Однако журчание и шум воды заглушили волны песни, что растекалась все дальше и дальше. Казалось, что эта песня исходит из самого сердца земли:

Погибшие наши солдаты,
Теперь ваше время пришло.
Как ясно сияет во мраке
Бескровное ваше чело!

Здесь нету привычной вам жизни,
Здесь новые ждут рубежи.
Вчера охранял ты отчизну,
А ныне ты богу служи.

Господь призовет вас на службу,
Вы стражи грядущих времен!
Источник страданий и славы
Небесным огнем озарен.

Властителям мира подобны,
Помазаны болью земной,
Вы будете править безмолвно
Всею сердцем державы родной.

И будет подобна державе
Та горстка земли в кулаке,
Что вы перед смертью держали
В своей охладевшей руке.

В обеих руках предстоит вам
Священные знаки беречь:
Держава покоится в левой,
В деснице – сверкающий меч.

На серые ваши колонны

Никто не посмеет напасть.
Душой повинуюсь закону,
Вы примете тайную власть!

Тем временем солдаты достигли края озера и опустили носилки, прогибавшиеся под тяжестью пышных еловых венков, на землю. И как только вода наступала на побережье и касалась зеленых ветвей, мертвые солдаты поднимались со своих носилок и молча вступали в сумрачные ряды серых братьев. Теперь их, умерших в рождественскую ночь, можно было отличить от других товарищей лишь по еловым венцам, обвивавшим их мертвенно бледные виски. Однако как только песнь, изливавшаяся из глубин земли, умолкла, можно было снова ясно услышать скрытое от глаз журчание наполнявшихся водой источников. От этого у бедной женщины вновь стало невыносимо тяжело на сердце, а ее мальчика охватил такой непостижимый ужас, что он припал к ее коленям, ища защиты. Серый командир, не говоря ни слова, взял женщину за руку и увел прочь. Однако стоило ей обернуться, как она услышала позади себя непостижимо сладостные звуки и почувствовала, что водная гладь озера озарялась рассветом ярче и сильнее, чем когда-либо прежде. Над лучезарными волнами чистые души распевали свою песню:

У брата на могиле
Явилось чудо мне:
Две птицы там кружили
В небесной вышине.

Одна на серых крыльях,
Другая – как заря.
На тех холмах могильных
Бывал сегодня я.

У нежити крылатой
Поганые уста:
«Не станут домом брату
Враждебные места!»

Другая песнь привольна,
Прекрасна и чиста:
«Где брат уснул спокойно,
Священны те места!»

Прогнал я злую бестю
На сумрачных крылах.
«Твоя не смеет песня
Тревожить милый прах!»

Паек сухой и пресный
Надламываю я
Для странницы небесной,
Прекрасной, как заря.

Пускай дорогу знает,

Хоть путь сюда непрост,
Пускай она летает
На сумрачный погост.

Пусть голоса чужие
Нам не тревожат слух.
Мы в песнях наших живы,
И жив немецкий дух!

Январь взмахнул крылами,
Бесшумно падал снег.
А песенка над нами
Звенит из века в век...

«Прости меня за мою жестокость», – тихо попросил богатый крестьянин некоторое время спустя бедную женщину. «Я знаю, ты была у тайного короля в самом сердце земли. Я знаю это, потому что один из его серых посланников был у меня в эту ночь и рассказал мне обо всем. Отныне ты можешь жить вместе со своим сыном в доме твоего мужа. Я хочу отдать этот дом вам, чтобы бог не припомнил мне потом мое черствое сердце». Вслед за этим он взял бедную женщину и ее ребенка за руку и проводил обоих до самого порога их нового дома, чтобы они и впредь жили там и хранили хлеб и кубок для ребенка и его потомков, как хранят реликвии в благочестивом храме. Такова была воля тайного короля, стоявшего на посту в глубинах земли.

Лик Валленштейна

Перед лагерем генералиссимуса, который был разбит на командной высоте Старой Горы (прим. пер.: «Alter Berg»), невзирая на поздний час собралась группа старших офицеров. Все они были взволнованы. Несмотря на то, что даже громкие слова, заглушаемые сильным ветром, который с шумом раскачивал верхушки осенних деревьев, с трудом могли проникнуть через толстую и серую, как пыль, палаточную парусину, разговор вели тихо и прерывисто. Тяжелые, почерневшие от сотен дождливых ночей тросы, которыми палатка закреплялась на пнях и могучих еловых стволах, были туго натянуты и время от времени пронзительно скрипели с почти настойчивой периодичностью, натирая влажную древесину.

«Как бы сильно мне ни хотелось это знать, мы этого никогда не узнаем!»

Подполковник Ванглер бросил осуждающий взгляд на говорящего. «Ты слишком рано причисляешь мальчишку к мертвым, Бредов! Он сам нам все расскажет еще раз, если на то будет воля божья». Он замолчал и устремил взор в беспросветную тьму, туда, где над шатром развевалось знамя. Этот флаг в тот самый момент звонко ударился о влажный шест, на котором он был закреплен. Этот звук был весьма похож на короткий и резкий приступ смеха.

«Мальчишка держался молодцом, он заслужил такую смерть. Господи, пусть он не будет жить калекой!» – сказал в свою защиту полковник Бредов и гневно потер мизинцем свой колет (прим. пер.: куртка без рукавов из кожи, которую носили солдаты в целях защиты)

Что же так обеспокоило этих господ? Произошел инцидент, который мог иметь самые роковые последствия для императорского войска. Валленштейн за два часа до этого, по своему обыкновению, проводил полночный обход форпостов. Его сопровождали лишь полковник Мор фон Вальд и телохранитель по имени Франц. Когда они втроем пересекали лесную прогалину, произошло нечто неслыханное: мальчишка резким и на первый взгляд неуклюжим движением преграждает генералиссимусу дорогу и остается стоять перед ним. Мор фон Вальд не церемонится с юношей и ударяет его по плечу. «Вперед, болван!» Однако в этот момент Франц, неслышно вздохнув и накренившись назад, падает на колени. Когда генералиссимус подхватил падающего юношу и, склонившись над ним, посмотрел на него, он увидел, что по юному лицу ручьями течет багряная кровь. Вокруг по-прежнему царит безмолвная ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.